

Житие преподобный Макарий Оптинский

Краткое житие

Старец Макарий. Сотайник и ученик первого Оптинского старца Льва, наставник великого Оптинского старца Амвросия. Моложе отца Льва на 20 лет и старше отца Амвросия на 24 года. Промысел Божий не оставлял Оптину без старцев, они как бы передавали эстафету друг другу. Были они разными и похожими одновременно. Объединяла их благодать, любовь Христова.

И каждый, между тем, имел свои особенности: благодать не отменяет индивидуальные черты характера, особенности темперамента, но придаёт им возвышенность и духовность, как огранка бриллианту. Волевой, сильный, решительный отец Лев, преодолевший все нарекания, гонения, клевету, как ледокол, очистивший фарватер для своих чад. Живой, ласковый, весёлый старец Амвросий, дары которого напоминают великих старцев прошлого, воскрешавших умирающих и исцеляющих безнадежных. И старец Макарий

между ними — « с чистой, любвеобильной и смиренной душой, редкое соединение простоты, тихости и смирения, делавшее его доступным всем и каждому».

Эти слова написал о нём с любовью чадо старца, архимандрит Леонид (Кавелин). Вот каким он увидел отца Макария: «Среднего роста, весь седой, одет летом в мухояровую поношенную ряску и башмаки, зимой — в весьма поношенную, крытую темно-зеленым драдедамом, шубку, с костылем в одной и четками в другой руке. Лицо — ничем не поражающее с первого взгляда, вовсе не красивое (по обыкновенным понятиям о физической красоте), даже несколько неправильное, с печалью постоянного углубления в себя, следовательно, на вид более строгое, нежели ласковое».

Путь преподобного Макария к монашеству был простым и прямым. Он остался послушником в монастыре, Площанской Пустыни, приехав туда паломником в возрасте всего 22 лет. Господь, по-видимому, с самого начала предназначил к иноческому пути его юную и чистую душу, и у него не было ни метаний, ни сомнений. Он как бы с младенчества к этому пути был предуготовлен.

Ещё с тех пор, как слышал он слова своей любимой матери, которая не раз говорила о тихом и кротком Мишеньке: «Сердце моё чувствует, что из этого ребёнка выйдет что-нибудь необыкновенное». Старец Амвросий, блестяще образованный, живой, остроумный, душа компании, с трудом уходил из мира. А отец Макарий, рано потерявший любимую мать (в пять лет), любил уединение, много читал, особенно духовные книги. Находил утешение в игре на скрипке. Не поддерживал попыток родных женить его, да и не имел к этому стремления. Душа его искала других радостей — духовных.

Этому способствовали и его семейные корни. Прадед его, Иоанн, после смерти жены, стал иноком. Дворянская семья Ивановых проживала в Орловской губернии и отличалась благочестием. Отец, коллежский асессор, Николай Михайлович Иванов, и мать, Елизавета Алексеевна, назвали сына в честь святого князя Михаила Тверского. После Мишеньки в семье было ещё четверо детей. Жили они недалеко от [Оптиной Пустыни](#), в окрестностях Калуги, рядом с Лаврентиевым монастырём. Часто посещали монастырские службы и окормлялись у монашествующего духовника, архимандрита Феофана.

«Имея перед глазами тихую иноческую обитель, из которой ежедневно доносился звон колоколов, призывающий иноков к молитве, возрастал будущий инок и молитвенник, ещё тогда неведомый миру», - так описывал современник старца первые впечатления ребёнка.

Когда мама ребёнка заболела, семья переехала в город Карачев, где Миша учился в школе. В четырнадцать неполных лет он уже начал работать бухгалтером, отлично справляясь с этой нелёгкой должностью. После смерти отца уехал в деревню.

С точки зрения коммерческой, особо имением не управлял: за прибылью не гнался. Позднее он напишет о своём понимании счастья: «Жизнь, проходимая с чистой совестью и со смирением, доставляет мир, спокойствие и истинное счастье. А богатство, честь, слава и высокое достоинство нередко бывают причиной многих грехов, и не доставляют счастья».

Поэтому юноша не искал богатства, не пытался сделать карьеру, не гнался за миражами светского успеха. Читал духовные книги, играл на скрипке, любил поработать в столярной мастерской. К крестьянам относился с любовью, никогда не наказывал. Когда они как-то украли

у него гречиху, вместо наказания вразумлял их примерами из Священного Писания. Родные смеялись над Мишей, но были поражены, когда мужики вдруг искренне покаялись и пали на колени перед юношей.

После прихода в монастырь, Михаил отказался в пользу братьев от своей доли наследства, попросив лишь построить часовню на могиле отца. В монастыре он нашёл отраду своей души. Позднее старец писал о монастырях:

«Обиталища сии — монастыри — не изобретение человеческого ума, но Дух Святой, через богодухновенных Отцов, установил жительство сие для тех, кто позван будет Богом или из любви к Нему, или по причине множества грехов своих».

А отвечая на вопрос своего чада, почему, находясь в миру, она испытывала спокойствие, а в монастыре это спокойствие сменилось на духовную брань, старец разъяснял:

«Хорошо, что ты познала, что спокойствие, на которое ты опиралась в мире, непрочное и ненадежное. А притом и то знай, что ты, живя в монастыре, находишься на поприще брани, как духовный воин, и раны принимаешь, и венцов сподобляешься, а удаляясь с сего

поприща, уже и не имеешь брани, и мнишь, будто имеешь спокойствие, но оно ложно, ибо скоро может превратиться в свирепую бурю. Итак, благодари Бога, призвавшего тебя на сей путь и обучающего во бранях».

В Площанской Пустыни молодой послушник изучил церковный устав и нотное пение, помогал в письмоводстве. Михаил хорошо знал, как велика роль духовного руководства для духовного преуспеяния. Позднее, став старцем, он напишет: «Достижение спасения точно состоит в приобретении руководителя и отсечении своей воли и разума». Святые отцы говорили: «Лучше жить с духовником на торговой площади, чем одному в пустыне». И ещё: «Духовное сиротство тяжелее плотского».

Промысел Божий, видимо, неслучайно привёл Михаила именно в этот монастырь. В то время в Площанской Пустыни подвизался ученик великого старца Паисия Величковского, Афанасий. Он и стал наставником Михаила. У отца Афанасия было много переводов аскетических творений древних отцов монашества, сделанных преподобным Паисием. И молодой послушник получил доступ к таким сокровищам! Позднее эти книги перейдут

в Оптину и будут изданы в переводе со славянского на русский.

Первый наставник старца Льва, схимонах Фёдор, тоже был учеником Паисия Величковского. Как отец Фёдор передавал своему ученику, будущему старцу Льву, наставления великого Паисия Величковского, так же и отец Афанасий учил будущего старца Макария таким духовным понятиям как непрестанная молитва, очищение сердца, откровение помыслов. Получив в самом начале своего духовного пути правильное и одинаковое духовное направление, отец Лев и отец Макарий позднее были сотаинниками и пребывали в редком единодушии.

Через пять лет после поступления в монастырь, в 1815 году, молодой послушник принял монашеский постриг с именем Макария в честь преподобного Макария Великого.

В эти годы он совершал паломнические поездки. Пешком, с посохом, ходил в Киево-Печерскую Лавру. Побывал в знаменитой Глинской Пустыни, где познакомился со старцем, игуменом Филаретом. Ездил в 1824 году в Ростов на поклонение к мощам Святителя Дмитрия Ростовского, побывал и в Оптиной Пустыни. В то время старца Льва ещё не было в Оптиной,

он приедет туда вместе с шестью учениками только в 1829 году. Но встреча их с отцом Макарием, которая определила всю его дальнейшую жизнь, была уже близка.

В 1825 году умирает наставник Макария, отец Афанасий. Но иеромонах Макарий уже зрелый духовно человек: 15 лет в монастыре, 10 лет мантийного пострига. Да и не только в годах дело. Созревание духовное идёт у людей с разной скоростью. Отец Макарий ещё молод, ему нет и сорока лет, но духовно он возрос настолько, что это явно окружающим. И его назначают духовником Севского девичьего монастыря. Так начинается его пастырская служба духовника.

Видимо, отец Макарий чувствовал своё духовное сиротство, потеряв наставника. На его молитвы Господь, Которому «вся возможна суть» посылает ему судьбоносную встречу. В Севскую обитель приезжает отец Лев со своими учениками. И, хотя их совместное пребывание было недолгим, но после отъезда старца Льва, между ними завязалась переписка, которая закончилась переездом отца Макария в 1834 году в Иоанно-Предтеченский скит Оптиной Пустыни.

Преподобный Лев вёл старческое окормление братии и принимал всех страждущих, немощных, больных. Исцеляя душу, он врачевал и плоть. Многих людей он спас от смерти телесной, но ещё больше от смерти духовной — спас их душу. Прозорливость старца, его духовное ведение, дар исцеления, примеры чудес, которые совершил он при помощи Божией, занимают целые тома книг.

Хотя отец Лев считал отца Макария духовным другом, сотаинником, но, уступая его смиренным просьбам, обращался с ним как с учеником. Преподобный Макарий был рядом с преподобным Львом до самой его смерти, с 1834 года по 1841 год. Отец Макарий полностью вверял свою волю наставнику, не дерзая предпринимать что-либо без его благословения.

Семь лет преподобные старцы Лев и Макарий руководили духовной жизнью братии и многих тысяч людей. По сравнению с отцом Львом, отец Макарий был более мягкого склада души. Также он был исключительно скромный. Его чада свидетельствовали о нём: «Про него без колебаний можно сказать то же, что было сказано про соименного ему подвижника авву Макария Великого: «Он, как Бог, всех покрывает

любовью». И сила этой любви настолько привлекала к нему сердца всех, что мы готовы были не отходить от него, чтобы всегда наслаждаться светлым его лицезрением и сладкою беседою богоглаголивых уст его».

Вместе с отцом Львом они «вынянчили» великого старца Амвросия. После смерти отца Льва вся тяжесть духовного руководства легла на отца Макария. Тихая радость о Господе никогда не покидала его. Господь даровал преподобному Макарию дар духовного рассуждения. Каждому приходящему к нему на откровение своей совести он подавал врачевство, приличное немощи. Его смиренное слово было и словом действенным, словом со властью, ибо оно заставляло повиноваться и верить неверующего. Смирение проявлялось во внешности преподобного, в виде его одежды, в каждом движении. Лицо его было светло от постоянной Иисусовой молитвы, творимой им, оно сияло духовной радостью и любовью к ближнему.

Известен такой случай: к преподобному Макарию привели одного бесноватого, который ничего ранее о старце не знал и никогда его не видел. Бесноватый, бросившись к приближающемуся старцу с криком: «Макарий идет, Макарий идет!», ударил его по щеке.

Преподобный тут же подставил другую щеку, а больной рухнул на пол без чувств. Очнулся он исцеленным. Бес не смог перенести великого смирения старца.

Вот каким его запомнили в то время его чада: «Старец был огромного роста, с лицом некрасивым, со следами оспы, но белым, светлым, взгляд был тих и полон смирения. Нрав его был чрезвычайно живой и подвижной. Память прекрасная: после первой исповеди на всю жизнь запоминал он человека. Но косноязычие и нехватка дыхания при разговоре — смущало его всю жизнь. Одет был всегда бедно. Зато был прозорлив: первый раз видя человека, называл его иногда по имени, прежде чем тот представлялся. Отвечал иногда на письменные вопросы, прежде их получения, так что писавший получал ответ на письмо, час тому назад посланное».

Письма не сходили со стола его. Окончив утреннее скитское правило, он начинал писать, но двери кельи были отворены для всех проходящих, кроме того, время от времени возвещали, что просят его выйти к воротам. Старец выходил; возвратившись, опять принимался за перо. Письма старца заключают в себе наставление в спасительном пути,

утешение в скорбях и решение недоумений в самых разнообразных духовных вопросах. Можно утвердительно сказать, что одними этими письмами старец оставил по себе вечную память!

Письма и в наше время читаются с большой духовной пользой. Вот, что отвечает старец тому, кто страдает от многочисленных скорбей: «Люди большею частью желают и ищут благоденствия в сей жизни, а скорбей стараются избегать. И кажется, что это очень хорошо и приятно, но всегдашнее благоденствие и счастье человеку вредит. Он впадает в различные страсти и грехи и прогневляет Господа, а проходящие скорбную жизнь, более приближаются ко Господу и удобнее получают спасение, потому Господь отрадную жизнь назвал пространным путем: широкие врата и пространный путь вводят в пагубу и многие идут им (Мф. 7:13), а скорбную жизнь назвал: узкий путь и тесные врата ведущие в жизнь вечную, и немногие находят их (Мф. 7:14). Итак, по любви своей к нам, Господь, провидя могущую быть пользу, кто того достоин, многих сводит с пространного пути, а поставляет на узкий и прискорбный путь, чтобы терпением болезней и скорбей устроить их спасение и даровать жизнь вечную».

А вот его ответ чаду, который страдал от того, что не видел себя исправляющимся от немощей и страстей: «Вы, при недостатке ваших исправлений в добродетели, скорбя, поработаетесь смущением и лишаетесь спокойствия, а это знак самолюбия и гордости. Вы хотите видеть себя праведным и, не достигая этого, смущаетесь; а если бы достигли, то тоже бы увлеклись в гордость,- стали бы строгим судьей других порочных и больше бы погрешили пред Богом».

Жизнь старца была также полна попечений пастырских по благоустроению монастыря. В церкви им было установлено пение киевского распева, введена должность канонарха, плавное чтение и пение на «подобны.» Сам отец Макарий, хотя и был иеромонахом, но не служил, главным образом, по своему смирению, но зато часто певал с усердием и со слезами. Особенно любил он «Чертог Твой».

20 лет провел старец в своей скромной келье, где были приемная и маленькая спальня. В спальне мебель состояла из узенькой койки, письменного стола, аккуратно покрытого стопками писем для ответа, духовными журналами и святоотеческими книгами, и креслом с подушкой. В восточном углу

среди икон была особочтимая икона Владимирской Божией Матери с неугасимой лампадой и вместо аналоя деревянный треугольник для совершения правила, с Евангелием и другими книгами. Стены были увешаны видами монастырей и портретами подвижников. Все свидетельствовало о его тайных воздыханиях и о духе, отрекшемся от уделов земли. Тут старец проводил частые бессонные ночи и вставал на правило при ударе скитского колокола в 2 часа утра; часто сам будил своих келейников. Прочитывали: утренние молитвы, 12 псалмов, 1-й час, Богородичный канон с акафистом. Ирмосы пел он сам. В шесть часов ему вычитывали «часы с изобразительными» и он выпивал одну — две чашки чаю.

Затем он принимал посетителей, внимал горю людскому. Мужчин старец принимал в своей келье во всякое время дня, от раннего утра до закрытия скитских врат, женский пол — за вратами скита во внешней келье (устроенной у его ворот). Кроме того, после трапезы, отдохнув с полчаса на своей узкой, как был узок путь его жизни, кроватке, почти ежедневно (кроме крайней немощи) он ходил или изредка ездил в монастырскую гостиницу. Там, по скитской дорожке, у ворот и в гостиничных

кельях ожидали его нередко целые сотни народа всех сословий, обоих полов и всех возрастов, из разных городов и селений. Кому случалось пройти со Старцем хотя однажды путь от скитских ворот до деревянной гостиницы, тот, конечно, не в силах забыть впечатлений этих минут.

Часто он сам заходил в келии к братии и всегда вовремя, оставляя после себя успокоение и веселие. Он же давал послушание: чтение святоотеческих книг, назначая это по мере духовного возраста каждого. Праздности не терпел. Завел он поэтому в скиту рукоделия: токарное, переплетное и другие. Каждый из братии знал и чувствовал, что бремя его трудов и скорбей разделяется любвеобильным и мудрым отцом, и это облегчало иноческую жизнь.

После беседы с ним люди обновлялись. Помазую людей маслом из своей неугасимой лампы, он приносил великую пользу больным. Исцеления были немалочисленные. Особенно часто были исцеления бесноватых. Измученный, едва переводя дыхание, возвращался он с ежедневного подвига. Время приходило слушать правило. Звонили к вечерней трапезе.

Иногда ее ему приносили. Но и в это время он принимал монастырскую и скитскую братию.

Тело ныло от изнеможения, а сердце от впечатлений обильно открывшегося человеческого страдания. Глаза орошались слезами... а на столе лежала кипа писем, требующих ответа. Он садился и писал. Когда тухла свеча, старец вставал на молитву. Молитва в нем не прекращалась, будь он в многолюдстве, за трапезой, в беседе или в тиши ночи. Она источала елей его смиренномудрия.

Преподобный Макарий возглавил группу ученых и литераторов (монахов и мирских лиц), которые переводили, обрабатывали и перекладывали на литературный язык писания величайших аскетов древности: Исаака Сирина, Макария Великого, Иоанна Лествичника (в основном в переводах старца Паисия Величковского). Большую помощь в этом ему оказывали духовные чада — супруги Киреевские. Под влиянием преподобного Макария возникла целая школа издателей и переводчиков духовной литературы, в которой так нуждалась православная Россия, укрепились связь между оптинским старчеством и русской интеллигенцией. Для этого дела старец жертвовал своим кратким отдыхом. На исповедь

и благословение к преподобному Макарию приезжали А. К. Толстой, И. С. Хомяков, Н. В. Гоголь, А. Н. Муравьев.

Не раз, особенно в последние годы своей жизни, старец выражал близким ученикам свою душевную скорбь о том, что не знает, куда бы и как уклониться от множества народа. Не раз, чувствуя крайнее изнеможение и упадок физических сил, решался он прекратить вовсе умножавшуюся ежегодно свою духовную переписку; но, по примеру своего учителя и, конечно, не без тайного извещения, побеждаемый силою и горячностью любви к страждущим различными душевными болезнями, видя умножение болезней общественных, а более всего, по смирению, не посмел сам сойти с креста, на который возвела его также хриstopодражательная любовь.

За два года до своей кончины преподобный Макарий был пострижен в великую схиму без изменения имени. До самой смерти преподобный принимал духовных чад и паломников, наставляя и благословляя их.

Время своей смерти старец предсказал. За неделю до кончины его соборовали. Уже тяжело больной, он прощался, раздавал свои

вещи, наставлял. Народ стекался хоть через окно посмотреть на него. Около полуночи старец потребовал к себе духовника и после получасовой беседы с ним, попросил читать отходную. — «Слава Тебе, Царю мой и Боже мой!» — восклицал старец при чтении отходной, — «Матерь Божия помози мне!» Ночь была очень тяжелой, но и тут через пожатие рук, благословение, и взглядами — выражал он свою благодарность ухаживающим за ним. В 6 часов утра он приобщился Святых Христовых Таин в полном сознании и умилении, а через час, на 9-ой песни канона на разлучении души от тела — великий старец Макарий тихо и безболезненно отошел ко Господу в Чертог Небесный. Это было 7-го сентября 1860-го года.

Мощи преподобного Макария Оптинского находятся во Владимирском храме Оптиной Пустыни, рядом с мощами его наставника, духовного друга и сотаинника, преподобного Льва. Как и при жизни, преподобный Макарий слышит молитвы страждущих и помогает им своим молитвенным предстательством.

ПОЛНОЕ ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО Макария СТАРЦА ОПТИНСКОГО

[Детство в родительском доме](#)

[Годы учебы и поступление на службу](#)

[Управление имением](#)

[В Богородицкой Площанской пустыни](#)

[Первые годы в Предтеченском скиту](#)

[Преданный ученик старца Леонида](#)

[Благоустройство Предтеченского скита](#)

[Смиранный старец](#)

[Духовное окормление](#)

[Благодатные дары](#)

[Из писем старца](#)

[Свидетельство святости](#)

[Книгоиздательская деятельность](#)

[«Блаженны умирающие о Господе»](#)

Старец Макарий — ученик преподобного Леонида и продолжатель его дела по старческому окормлению и внутреннему устройению обители на основе древних монашеских установлений.

Время его старчества признано «золотым веком» в истории Оптиной Пустыни. Трудом и скорбями отца Леониды старчество утвердилось в Оптиной и постепенно было признано, при старце Макарии Оптина Пустынь обретает всероссийскую славу и известность, становится духовным центром России. Ей принадлежит немалая заслуга в том, что в русской культуре, находившейся с петровских времен под сильным западным влиянием, во второй половине XIX столетия происходит постепенное возвращение к Православию.

Детство в родительском доме

Старец Макарий — в миру Михаил Николаевич Иванов — происходил из дворян Орловской губернии. Его прадед Иоанн, в монашестве Иосиф, подвизался в Карачевском Николаевском Одрине монастыре, был известен строгостью жизни. Дед и бабушка также отличались благочестием, бабушка всю жизнь много занималась благотворительностью, никому не отказывая в помощи. Каждую неделю она посещала заключенных в тюрьме, угощая их при этом домашней выпечкой. Это однажды спасло жизнь ей и ее супругу — как-то зимой на дороге на них напали грабители, и один узнал женщину, из рук которой когда-то получил

угощение, сопровождавшееся словами утешения. По его просьбе напавшие сохранили жизнь своим жертвам.

Родители старца Макария — коллежский ассесор Николай Михайлович Иванов и Елизавета Алексеевна, урожденная Емельянова, помимо родового имения Ивановых — села Щепятино в Дмитровском уезде Орловской губернии — владели еще несколькими поместьями в других губерниях. В селе Железняки, что расположено неподалеку от Лаврентьева монастыря в Калужской губернии, 20 ноября 1788 года у них родился старший сын — Михаил, назван он был в честь св. Михаила, князя Тверского. У Михаила будет еще три брата и сестра, но мать, по воспоминаниям, всегда выделяла старшего сына и говорила, что из него «выйдет что-нибудь необыкновенное». Он рос тихим, ласковым ребенком. Имение, где жила семья, располагалось в очень живописном месте: на возвышенности, под которой протекает извилистая речка Яченка, впадающая в Оку, вдаль простираются луга, рожи, на противоположном берегу, в зелени окружающего сада, просматривались постройки Лаврентьева монастыря. Семейство Ивановых было близко знакомо с настоятелем обители — архимандритом Феофаном, который крестил

некоторых из детей. Детские впечатления о посещении монастыря, строгих богослужениях старец сохранил на всю жизнь. Отец Макарий вспоминал и такой знаменательный случай: однажды во время службы, которую совершал отец Феофан, он, маленький мальчик, увидев знакомого батюшку, стремительно вбежал в алтарь через открытые Царские врата.

Годы учебы и поступление на службу

Когда Михаилу не было и десяти лет, в 1797 году, его мать, страдавшая туберкулезом, скончалась. Произошло это в Москве, куда семья переехала за три года до этого, для лечения ухудшившегося здоровья Елизаветы Алексеевны. После этого печального события Николай Михайлович поселился с детьми в селе Щепятино, в своем имении. Позже он переехал в город Карачев, к своей сестре Дарье Михайловне Передельской, которая приняла близкое участие в жизни его детей, так рано оставшихся без матери. Уже пора было подумать о том, чтобы дать детям образование. Старшие сыновья были помещены в городское приходское училище. В 1801 году Передельские переехали в свою деревню и взяли туда домашнего учителя для сына, вместе с ними переехали туда и Михаил с двумя старшими

братьями. Там Михаил прожил около года, после чего поступил бухгалтером в Львовское уездное казначейство, под начало своего родственника С. Я. Сандулова. Помощниками его стали брат Алексей и двоюродный брат, тоже Алексей, Передельский. Трое совсем молодых работников (Михаилу тогда было всего лишь 14 лет) так исправно вели дела, с таким усердием и точностью, что обратили на себя внимание губернского начальства. Алексей Передельский так вспоминал позже о своем двоюродном брате, с которым долгое время они прожили вместе: «...ему присущи были всегда набожность, благочестие, целомудрие, кротость и нравственная чистота. Он большею частью уклонялся от наших детских игр и забав, а вместо того любил заниматься чтением и рукоделием, разумею детские клеяния из картона домиков, вырезывание разных фигур, или что-нибудь вышивал. Придя в возраст, во время мирской жизни, он не чуждался светских пристойных удовольствий, но и не оказывал к ним особой склонности, любил музыку... любил также пение, голос у него был хотя слабый, но этот недостаток восполняло его знание и понятие о музыке».

В 1805 году Михаил был назначен на место начальника стола счетной экспедиции в Курске,

получил повышение по чину. Его начальник Николай Михайлович Ленивцев очень расположился к новому работнику и даже предоставил ему комнату в своем доме. Ленивцев был образованным человеком, с широким кругом интересов, в его доме молодой человек нашел приятное общество, возможность продолжить свое образование. Тогда он интересовался музыкой и литературой, все свободное время посвящал этим занятиям. Он хорошо играл на скрипке, а в книгах, по воспоминаниям, искал ответа на самые серьезные жизненные вопросы. Бывая в обществе, он по-прежнему оставался скромным человеком, вспоминают, что в эти годы за его стыдливость и застенчивость, а также сильную худобу (у него с детства было слабое здоровье), Михаила частенько в шутку называли «монахом».

Управление имением

В 1806 году скончался отец Михаила Николаевича. Четыре брата и сестра, оставшиеся без родителей, жили дружно, поддерживали друг друга, все решения принимали вместе. Кстати Варвара Николаевна, как и ее старший брат со временем, после смерти супруга, примет монашество. На

семейном совете после кончины отца было постановлено, что имение должно перейти к старшему сыну. Михаил Николаевич, который тогда уже тяготился обязанностями службы, с радостью принял решение братьев и, выйдя в отставку, перебрался в Щепятино. Склонный к уединению и сосредоточенности молодой человек в глубине души хотел обрести свободу, чтобы больше времени посвящать своим любимым занятиям — чтению и музыке.

В деревне он прожил два года и в хозяйственной деятельности не преуспел. Имение требовало постоянного присмотра, с работниками следовало обращаться со всей строгостью, взыскивая за халатность, воровство — на это Михаил Николаевич был совершенно неспособен. Вспоминают, что прислуга даже посмеивалась над незадачливым баринном, который не хотел действовать общепринятыми методами — суровым наказанием и взысканием. Но показателен такой эпизод. Как-то мужики украли много гречихи, что не могло остаться незамеченным. Михаил Николаевич призвал их к себе и стал вразумлять словами из Священного Писания, призывая не гневить Бога. Свидетели этой сцены были уверены в бесполезности этих речей и по обычаю добродушно смеялись над баринном. Каково же было их удивление, когда

потрясенные до глубины души мужики сознались в своем воровстве, от всего сердца раскаялись в содеянном и в слезах, на коленях стали просить прощения. Соседи, прознав о доброте молодого барина, постоянно обращались к нему за разной помощью, и тот никому не отказывал, даже если это было в ущерб собственному хозяйству.

Так понемногу протекли два года. По-прежнему любимым занятием оставалось чтение, но все больше Михаила Николаевича интересовали вопросы спасения души. Однажды он отправился на Коренную ярмарку и закупил множество книг духовного содержания, в которые углубился с жадностью. Часто он занимался столярными работами, до усталости простаивая за верстаком — следуя совету не предаваться праздности и лени. Родные пытались его женить, но никак не могли подобрать подходящую невесту. Когда наконец остановили выбор на одной из соседок и отправились к ней, семья предполагаемой невесты не готова была сразу дать ответ и просила времени подумать и подождать. Когда братья вернулись, расстроенные таким ответом, Михаил Николаевич очень обрадовался, сказав, что по-настоящему не хотел этого сватовства, но не мог не послушаться братьев (от природы ему

был дан миролюбивый характер и редкий дар послушания) и очень доволен этим ответом. В душе он воспринял такой поворот как проявление воли Божией о нем, и нерешительный ответ семьи невесты решил его дальнейший путь — уже тогда он все больше укреплялся в желании посвятить себя Богу.

Свидетельств о том, что окончательно подвигло его к уходу из мира, не сохранилось. Но по-настоящему вся жизнь, склад характера, поступки, слова и размышления молодого человека, сохранившиеся в его письмах и воспоминаниях близких людей, говорят о его постепенном внутреннем возрастании, и этот шаг представляется совершенно закономерным.

6 октября 1810 года Михаил Николаевич отправился на богомолье в Площанскую пустынь, что неподалеку от Щепятино, и домой уже не вернулся. Он отправил родным письмо, где сообщал, что остается в монастыре, а имение передает братьям в полное распоряжение.

Отправился ли он в обитель, уже имея намерение остаться в ней, или же обстановка монастыря, сразу поразившая его, по свидетельству старца, способствовала принятию окончательного решения — неизвестно. Но, так

или иначе, в возрасте 22 лет Михаил Николаевич вступил на иноческий путь.

В Богородицкой Площанской пустыни

Площанская пустынь, удаленная от населенной местности, окруженная со всех сторон лесами, вполне соответствовала требованиям иноческого уединения. Михаил Николаевич поступил в пустынь при иеромонахе Иоаникии, тогда в ней насчитывалось до 50 человек братии. Обитель не имела богатых средств, но трудолюбивая братия, исправно совершающая послушания, доставляла себе все необходимое для жизни.

Михаил Николаевич ревностно принялся постигать азы иноческого делания, новый образ жизни он воспринимал как благодатный дар. Сам он потом вспоминал, что по прибытии в Площанскую пустынь ощущал такой подъем, что «не знал, где находится: на земле или на небе, и все монашествующие казались ему как ангелы Божии».

Поначалу Михаил был занят на разных послушаниях: в трапезной, на заготовке дров, летом — на огороде, уборке сена и т.д. Но вскоре были замечены его способности к музыке, он стал изучать устав и церковное пение, занимался также письмоводством обители. Со

временем он был назначен канонархом, а затем уставщиком левого клироса. В декабре 1810 года послушник Михаил был пострижен в рясофор с именем Мельхиседек.

Первым руководителем его был настоятель обители отец Иоаникий. Простой, добрый монах со вниманием и заботой отнесся к новонаначальному, позже старец Макарий всегда с благодарностью вспоминал этого своего первого наставника. Но настоящего духовного руководства в Площанской пустыни в то время не было, отец Мельхиседек скорбел о том, что не может проходить подлинную школу монашеского делания.

В 1814 году отец Мельхиседек побывал на богомолье в Киеве, посетив по пути и некоторые другие обители. По возвращении, в 1815 году, новый настоятель отец Павел постриг его в мантию с наречением имени Макарий в честь преподобного Макария Египетского.

Промыслительно имя этого подвижника, которого почитают среди основателей восточного монашества, будет дано тому, кто явится одним из основателей оптинского старчества. Вскоре отец Макарий был рукоположен во иеродиакона и назначен ризничим.

Тогда же, в 1815 году, в Площанскую пустынь поступил старец иеросхимонах Афанасий (Захаров). В его лице отец Макарий обрел наконец того опытного руководителя в духовной жизни, потребность в котором он давно уже ощущал. Схимонах Афанасий, родом из дворян, в миру был военным, служил ротмистром в гусарском полку, в 30 лет поступил в Нямецкий монастырь. Там он прожил 7 лет, был пострижен в монашество старцем Паисием (Величковским) и окормлялся у этого великого подвижника. Отец Макарий прожил под руководством старца Афанасия почти десять лет, с 1817 года он стал его келейником, так что мог постоянно пользоваться советами мудрого подвижника.

У отца Афанасия были сделанные старцем Паисием переводы древних творений, посвященных основам аскетической жизни, — преподобных Макария Великого, Иоанна Лествичника, Исаака Сирина, Григория Паламы, Симеона Нового Богослова и других, а также труды самого старца. Это бесценное сокровище для ищущего истинной монашеской жизни теперь было доступно отцу Макарию, он научился писать полууставом и по поручению старца переписывал эти аскетические труды, а также делал выписки для себя. Так он глубоко постиг учение отцов о спасении души, в

дальнейшем в своих советах и наставлениях постоянно прибегал к ним, редко давая наставления от своего имени.

В 1824 году он ездил в Ростов поклониться мощам святителя Димитрия Ростовского и тогда впервые побывал в Оптиной Пустыни и в недавно устроенном при ней Предтеченском скиту. На следующий год скончался старец Афанасий, и отец Макарий вновь остался без духовного руководителя. Советы отца Афанасия и близкое знакомство с аскетическими творениями укрепили иеромонаха Макария в его духовном возрастании. В 1827 году он был назначен духовником Севского Троицкого женского монастыря, что положило начало новому периоду его деятельности. Нелегкое дело духовного окормления, к которому он приступил в возрасте сорока лет, станет его главным служением до конца дней. Наставником и помощником отца Макария в этом делании был старец Леонид, прибывший в Пощанскую пустынь в 1828 году из Александро-Свирского монастыря. Его руководство завершит духовное совершенствование отца Макария, который полностью предал себя в послушание старцу. Старец Леонид сразу увидел в отце Макарии подвижника, обладающего многими дарами, и относился к нему скорее как к другу,

сомолитвеннику, сотруднику в духовном делании, лишь уступая его просьбе и искреннему желанию иметь опытного руководителя, согласился быть его наставником. Хотя старец Леонид вскоре перешел в Оптину Пустынь, общение между ними продолжалось через переписку, отец Макарий всей душой желал соединиться со своим старцем, что со временем и произошло.

Отец Макарий тогда уже занимал должность благочинного обители, ему пришлось сначала долгое время пробыть по делам в Севске, а затем епископ Орловский возьмет его с собой в Петербург заниматься нуждами монастыря, там он прожил до октября 1832 года. Суетные канцелярские и хозяйственные заботы, многолюдство большого города очень удручали привыкшего к уединению молитвенника, в письмах он сетовал на свое положение, но видел в этих скорбях проявление воли Божией. На обратном пути из Петербурга он побывал в Оптиной Пустыни, повидался со своим другом и учителем отцом Леонидом, и подал прошение о переводе его сюда, сам же вернулся в Площанскую пустынь, где стал ожидать решения своей участи. Положение усложнялось тем, что тогдашний настоятель пустыни отец Маркеллин был серьезно болен и не мог

управлять обителью, и отец Макарий был одним из трех кандидатов на место настоятеля. В 1833 году он писал старцу Леониду: «Но как устроит Господь, да будет Его святая воля. Хотя я и многогрешен, но вверяю себя в покров Пречистыя Богородицы — всем грешным предстательству и спасению; ожидаю, что устроит Господь, Ее святыми молитвами, на пользу души моей». 14 января 1834 года отец Макарий получил указ о перемещении его из Площанской пустыни в Оптину и 5 февраля прибыл в Предтеченский скит, где будет подвизаться уже до конца своих дней.

Первые годы в Предтеченском скиту

Отец Макарий прибыл в Предтеченский скит, чтобы поселиться рядом со своим наставником старцем Леонидом. Здесь он был радушно встречен настоятелем отцом Моисеем и скитона начальником Антонием, которые понимали, какое значение имеет для обители пребывание в ней опытного подвижника. Все они были «единого духа», что благоприятно повлияло на обстановку в монастыре. Все они в свое время имели духовными наставниками учеников и продолжателей дела старца Паисия (Величковского), возрождавшего истинную аскетическую традицию монашеского делания

на основе святоотеческого учения о спасении. Старец Леонид сразу сделал отца Макария своим помощником, поручив ему переписку с некоторыми из своих духовных чад. В 1836 году отец Макарий был назначен духовником обители, а после перевода отца Антония в Малоярославецкий монастырь в 1839 году — скитоначальником. Но называясь начальником, он никогда не ощущал себя таковым, во всем полагаясь на старца.

Преданный ученик старца Леонида

Старец Леонид постепенно готовил отца Макария себе в преемники. Поскольку главной, но и самой трудной добродетелью является смирение, старец не уставал воспитывать ее в своем ученике, всячески подвергая испытаниям его терпение, подвергая нападкам, болезненным для человеческого самолюбия, но отец Макарий обычно выдерживал эти испытания, проявляя удивительную кротость. Автор одного из первых жизнеописаний старца Макария, наместник Троице-Сергиевой лавры Леонид (Кавелин) описывает характерную сцену: «...строитель позвал к себе отца Макария и просил его принять от пострижения в мантию некоторых готовившихся к тому братьев. Вменяя просьбу начальника в приказание, отец Макарий

ответил на оную соизволением и смиренным поклонением. Придя после того к старцу Леониду, он застал сего духовного вождя по обычаю окруженного множеством вопрошавших о своих духовных нуждах и недоумениях. Отец Макарий кратко поведал ему, зачем звал его настоятель. Пользуясь этим случаем доставить подвижнику-иноку венец терпения, а других воспользоваться его смирением, духовно опытный старец с видом строгости спросил о. Макария: "Что ж, ты и согласился?" — "Да, почти согласился, или, лучше сказать, не смел отказываться", — ответил о. Макарий. "Да, это свойственно твоей гордости!" — сказал старец, возвысив голос, и, притворяясь гневающимся, довольно долго укорял отца Макария. А тот стоял перед старцем с поникшей головой, смиренно ему кланяясь и повторяя по временам: "Виноват! Простите, Бога ради, батюшка!" Все присутствовавшие, привыкши уважать отца Макария наравне со старцем Леонидом, смотрели на это одни с недоумением, другие с благоговейным удивлением. Когда же старец умолк, отец Макарий, поклонившись ему в ноги, кротко спросил: "Простите, батюшка! Благословите отказаться?" — "Как отказаться? Сам напросился, да и отказаться? Нет, теперь уже нельзя отказываться, дело сделано!" — сказал отец Леонид, вовсе не имевший в виду

лишать духовной пользы тех, которые вверялись духовному руководству опытного наставника. Цель выговора была иная: искусить смирение преуспевшего в оном старца-ученика и, как выше замечено, воспользоваться через то других».

Но при этом было очевидно и то, как старец любил и ценил отца Макария. Однажды он так выразился о степени духовного совершенства оптинских подвижников: «Отец Моисей и отец Антоний — великие люди, а Макарий — свят». Вскоре помимо переписки старец Леонид стал доверять ему и окормление своих духовных чад, советовался в разрешении разных вопросов, а со временем никаких затруднений не решал без отца Макария, если его не было рядом, отвечал вопрошавшим: «Подождем; придет о. Макарий, вместе поговорим». Все вспоминают, как трогательно было видеть такое единодушие и взаимное согласие двух старцев. «Бывало, — рассказывала духовная дочь старцев, впоследствии настоятельница Белевского женского монастыря игумения Павлина, — говоришь с отцом Леонидом, входит отец Макарий. Отец Леонид говорит ему: "Батюшка, поговори-ка с ней, ей нужно тебе кое-что объяснить". Или, бывало, сидят они, как ангелы Божии, рядом, а мы стоим пред ними на коленях и двум открываем свои души, как бы

одному. И никогда не разделяли их и не делали между ними никакого различия. Поистине в них бе сердце и душа едина [Деян. 4, 32]. Потому, когда скончался отец Леонид, хотя мы и скорбели о нем, но скорбь наша была умеренная, так как мы лишились одной половины, а другая осталась при нас». Старец Леонид в конце жизни благословлял своих духовных чад после его кончины обращаться к отцу Макарию.

Благоустройство Предтеченского скита

Отец Макарий принял под свое начало Предтеченский скит из рук отца Антония в 1839 году, история скита насчитывала тогда 18 лет с момента основания. Внутренний распорядок к тому времени уже сложился, вся обстановка содействовала духовному возрастанию насельников. Особым украшением скита были насаждения, устроенные еще основателем скита отцом Моисеем и с любовью поддерживаемые отцом Антонием. Постройки же скита с момента основания практически не изменились. За годы пребывания старца Макария в должности скитоначальника Предтеченский скит значительно преобразился при содействии благотворителей — духовных чад старца. Теперь скит не только был обеспечен всем необходимым для жизни его насельников, но и поддерживал

монастырь. В 1857 году распоряжением митрополита Московского Филарета был увеличен штат монастыря с целью пополнения числа насельников Предтеченского скита.

Были расширены и благоустроены здания скита: в 1857 году завершено возведение новых каменных Святых врат с колокольной над ними, обложены кирпичом примыкающие к ним корпуса келий, в 1858 году построена новая братская трапезная. Летом 1860 года в восточной части скита был заложен новый деревянный корпус келий с помещением для скитской библиотеки, которой старец пожертвовал хранящуюся у него бесценную коллекцию рукописей и книг духовного содержания.

Эти помещения были тщательно обустроены и внутри по распоряжению старца. Колокольная и святые врата были расписаны по мысли старца Макария — он сам выбрал сюжеты для всех изображений. Предметом его особой заботы было внутреннее убранство скитской церкви — в ней был позолочен иконостас, расписаны потолки и стены. При этом старец всегда соблюдал меру благолепия и простоты, он не любил вычурности и роскоши в храме, весь его облик был выдержан в строгом стиле,

соответствующем общему, подвижническому духу святого места. Все росписи, украшения, каждый предмет, находящийся в храме имели свою цель и значение — ничего лишнего или случайного. При старце Макарии была приведена в порядок и значительно пополнена скитская ризница.

Отец Макарий не сразу продолжил начинание своих предшественников — разведение плодовых деревьев и цветов на территории скита. Поначалу ему показалось, что это не соответствует строгому духу скитской жизни. Но посетители, увидев, что нет прежних прекрасных цветников, стали выражать недоумение, а иногда и недовольство этим, поскольку привыкли к благоуханию и ярким краскам цветов в скиту. Тогда старец сначала устроил одну клумбу, и тут обрадованные чада и посетители скита стали с усердием помогать в устройении цветников и клумб, жертвуя семена, и вскоре весь скит украсился цветами и зеленью, а вдоль дорожек были устроены настоящие шпалеры.

Разросся и плодовый сад. Скитяне круглый год вкушали на трапезе плоды из собственного сада, ну а знаменитые моченые яблоки, приготовленные насельниками, раздавались по

всей округе и пользовались славой за свой вкус и полезные свойства. Был расширен также скитский пчельник, также с помощью одного из учеников старца, с введением самых последних усовершенствований в области пчеловодства.

Заботился старец и о территории вокруг скита. Он очень дорожил его уединением, которое во многом обеспечивалось вековым сосновым лесом, окружающим скит и ограждающим его даже от расположенной рядом обители.

«Человек,— рассуждал он,— получает в лесу себе успокоение и душевную пользу. Мы видим, как в прежние времена люди удалялись в чащу лесов, и там, в тиши от мира и сует его, в молитве и трудах иноческих искали своего спасения. Один вид присно зеленых хвойных деревьев нашей родины веселит зрение, служа символом надежды на жизнь присносущную, для взыскания коей удаляются в пустыни. Леса, окружающие наши пустынные обители, надобно беречь всеми мерами, чтобы чрез истребление их название "пустынь" не сделалось, наконец, праздным словом». Но в 1849 году сильная буря повредила лес, повалив множество деревьев. Старец позаботился о новых насаждениях и тот прекрасный лес, который сегодня обступает скит,— во многом результат его усилий. За молодой порослью, насажденной по

распоряжению отца Макария, заботливо следила братия.

Конечно же попечение скитоначальника отца Макария не ограничивалось только внешним благоустройением. Будучи большим знатоком устава и церковного пения старец Макарий уделял большое внимание совершению службы — чтению, пению. К богослужению он относился с благоговением и трепетом. Если замечал ошибки, находил способ, не обижая брата, поправить его, так он постоянно поддерживал порядок и богослужение в скиту постепенно совершенствовалося.

Самым же главным делом старца, неизменным «послушанием», которое он совершал почти без отдыха, отдавая всего себя, — было духовное окормление братии и посетителей, количество которых постоянно росло. Именно эта его «деятельность» и являлась главной причиной процветания скита и монастыря.

Смирный старец

«Наружный вид старца Макария был чрезвычайно привлекательный. Волосы на голове и бороде имел он недлинные и седые, бороду окладистую. Руки его отличались

мягкостью и гибкостью, как весь его стан — стройностью. Лицо белое и чистое, ничем, впрочем, с первого взгляда не поражающее и по недостатку в глазах несколько неправильное, даже, по обыкновенным понятиям о красоте физической, вовсе некрасивое, притом с печатью постоянного самоуглубления, следовательно, на вид более строгое, чем ласковое. Но такова сила благодати Божией, что лицо это, служа зеркалом чистой смиренной и любвеобильной души старца, сияло какой-то неземной красотой, отражая в себе то или другое из свойств внутреннего человека — плодов Духа, исчисленных апостолом (Гал. 5, 22, 23). Взор тих, слово смиренно и чуждо дерзновения. Вообще в нем было редкое соединение ума и детской простоты, величия и вместе тихости и смирения, делавших его доступным для всех и каждого», — такой портрет отца Макария оставил его ученик иеромонах (впоследствии архимандрит) Леонид (Кавелин), автор первого жизнеописания старца.

Выше всего ставил отец Макарий добродетель смирения, к которому призывал своих духовных чад и образцом которого являлся сам. Вот характерные строки из его письма: «Мне-то горе, бедному! О людях рассуждаю, а сам низлежу во всех злых; и гордости не чужд. Принимаю от

подобных себе слепцов ублажение на свое осуждение. А ежели бы вам открыть глаза, и видели бы хотя часть некую моих злых деяний; то воззрети бы не восхотели на такое чудовище. И надобно бы было мне умолчать и внимать себе. Но не знаю, обычай ли мой лукавый или тщеславный, под видом пользы якобы ближних не допускает умолкнуть. Оставляю попечение о своей душе, простираюсь о других; и только знаю, что пишу, хотя и весьма нелегко мне сие. Не знаю, что будет». Часто он приводил в письмах слова преподобного Исаака Сирина о великом значении добродетели смирения: «Смирение и без дела много прощает согрешений; как, напротив, все наши дела и все добродетели без смирения суетны — не спасут нас». Оберегая от самомнения одну свою духовную дочь, старец писал ей: «Пишешь: кажется тебе, что ты смиренна и терпелива. Какое наше смирение? — волчье; а терпение — гнилое».

За всеми его словами, поступками ощущалась огромная любовь к людям и желание им помочь, именно это привлекало всех к старцу.

Рассказывал о себе оптинский старожил о игумен Марк: «Вскоре по поступлении моем в Оптину я захворал лихорадкой. Болезнь моя продолжалась около двух лет. Больницы в то

время в обители не было, и больные из братии лежали в своих кельях. Тогда я вполне убедился, какой великой, истинно отеческой любовью проникнуто было сердце старца батюшки отца Макария по отношению к братьям скита и монастыря, и в особенности больным. Несмотря на то что к нему ежедневно приходили во множестве посетители разного пола и сословия, он всегда находил время обойти всех больных братьев и каждого из них обласкать, успокоить и утешить». Отец Макарий постоянно помогал бедным, причем умел делать это незаметно.

Как скитоначальник, старец занимал небольшой корпус, расположенный слева от скитских врат. Он был разделен на две половины, южную занимал старец, а северную — два его келейника. Половина старца состояла из двух комнат — приемной и его кельи старца, в которой он провел двадцать лет своей жизни. Это была небольшая продолговатая комнатка, с одним окном на юг — на дорожку, идущую от святых врат к Предтеченской церкви. Пред окном стоял простой деревянный стол, в ящиках которого хранились письменные принадлежности, а также образки, крестики, четки и пояски для раздачи посетителям. На столе стоял письменный прибор, бумаги, большую часть которых представляли груды

писем, разделенные на требующие скорейшего ответа, менее срочные и еще не прочитанные. Здесь же лежали свежие духовные журналы или новая книга, которые старец просматривал урывками, чаще всего вместо послеобеденного отдыха. И, наконец, обязательно что-нибудь из святоотеческих творений, чтение которых для старца было постоянной насущной необходимостью. У письменного стола стояло кресло с овальной спинкой.

Юго-восточный угол и южная стена комнаты были заняты иконами и образами, многие из которых являлись подарками духовных чад. Среди них — особо почитаемая старцем Владимирская икона Божией Матери, пред которой теплилась неугасимая лампада. Под иконами на полке и аналое лежали богослужебные книги. Вдоль западной стены стояла узкая деревянная кровать, над изголовьем которой находилось Распятие, а выше — образ Спасителя — Доброго Пастыря, несущего на плечах заблудшую овцу. Над кроватью висело множество портретов подвижников благочестия и духовных деятелей.

Здесь старец совершал свой молитвенный подвиг, здесь принимал братию и посетителей-мужчин. Для женщин была устроена

специальная внешняя келья, вход в которую был за оградой скита. Кроме того, каждый день старец отправлялся в монастырь, поэтому вдоль узкой дорожки, ведущей из скита в обитель, его обычно поджидали паломники и посетители, желающие взять благословение старца, обратиться к нему с вопросами, недоумениями. Отец Макарий совершал этот путь до обители всегда в окружении толпы почитателей.

Хотя отец Макарий с большим благоговением относился к богослужению, но сам он, поселившись в скиту, церковных служб не совершал из-за врожденного недостатка дикции. Старец исправно посещал все службы, в храме стоял, по воспоминаниям, в боковом проходе, весь уйдя в молитву. Но как глубоко понимал он все, касающееся богослужения, церковного пения и молитв, свидетельствует такой случай. Был тогда в Оптиной послушник Павел Степанович Покровский (в монашестве — отец Платон), друг Александра Михайловича Гренкова (будущего старца Амвросия), вслед за ним пришедший в Оптину. Он долго приспособлялся к монастырской жизни, непросто было отказаться от прежнего образа жизни и мирских привычек. Одной из них была страсть к музыке. Покровский играл на скрипке, помнил много произведений светской музыки,

признавался, что они все время звучат у него в душе. Отец Макарий, сам когда-то игравший на скрипке, разными способами старался помочь новонаначальному преодолеть эту привязанность. Чтобы обратить его страсть на пользу душе, отец Макарий поручил ему переписывать ноты церковных служб, разучивать новые напевы. Они часто беседовали о церковной музыке, причем Покровский любил партесное, западное пение, отличающееся от древнего светским характером. Однажды батюшка сидел в своей келье один за письмами, а Павел Степанович по обычаю зашел к нему показать новые ноты, вот как он сам описывает этот эпизод: «На мою просьбу он, положив на стол перо, начал рассматривать принесенные мною ноты. Наконец, послушав от меня напев догматика и, без сомнения, желая преподать надлежащее понятие о пении церковном, и притом разумном, он сказал мне: "Ну что ты разучаешь все новое партесное? Ну что в нем особенного? Как его можно сравнить с нашим церковным пением? Мы вот как этот догматик певали". И старец запел его по церковному напеву. Строго церковное его нотное пение проникнуто было самым искренним чувством вполне понимаемого им песнопения. Он воспевал Небесную Царицу Деву, как бы стоя пред Нею и созерцая славу Ее. Я забыл свои ноты и с изумлением глядел на

поющего старца и не мог надивиться: как это у такого маститого старца, строгого подвижника, мудрого учителя, такое детски нежное чувство, такая пламенная, младенчески верующая любовь к Божией Матери! Батюшка чем дальше пел, тем глубже проникался чувством песнопения. Голос его уже начал дрожать. И лишь только пропел он: «быв человек нас ради», — пение его прервалось. Слезы полились у него ручьем. Склонив голову, он плакал сильнее и сильнее и наконец зарыдал, как дитя, оторванное от любящей его матери — единственного утешения. Долго стоял я, изумленный таким явлением. Прошло с полчаса, а рыдания батюшки не прекращались. Вместе с тем виделось в нем такое глубокое чувство смирения и пламенеющей любви к Господу и Пречистой Богоматери, что мне даже стало стыдно и смотреть на него. Так я и не дождался конца рыдания старца и, глубоко растроганный, пошел со своими нотами к себе в келью».

Никогда не участвуя в богослужении, старец, по воспоминаниям, делал исключение на Страстной Седмнице, и сам пел на утрени светилен: «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный...», очевидец вспоминал об этом: «И как он пел? Казалось, что слово вижду имело в устах его подлинное значение и что пение его выражало то, что в самом деле видели его душевные очи.

Старческий голос дрожал от возбуждения чувства духовного, слезы катились по бледным его ланитам; сердца же слушавших проникались умилением. Невольно присутствовавшим в это время в храме Божиим почитателям старца могла приходить мысль: "Тебе ли, земной ангел и человек небесный, облеченному в одежду смирения, вопиять ко Господу: одежды не имам, да вниду в онь?"».

Любовь старца распространялась на всё творение. Так, в зимнее время, сожалея об остающихся без пищи птицах, он обычно давал распоряжение келейникам подкармливать их, для этого к его окну была приделана кормушка: «...довольное количество синичек, коноплянок и маленьких серых дятлов слеталось пользоваться благодеянием старца. Заметив же, что большие птицы, сойки, стали обижать мелких беззащитных птичек, зараз поедая то, что им стало бы на целый день, старец, пища нужные письма, сам по временам поднимался со стула, чтобы стуком в окно прогонять хищников. Но видя, что это не помогает, он уже велел сыпать зерна в банку, из которой мелкие птички легко могли доставать их, влетая в оную; сойкам же стало неудобно обижать их». Батюшка очень любил природу, в летнее время нередко прогуливался по скиту, любуясь цветниками, вот

строки из его письма: «У нас проходят дождички с громом, и паки просиявает солнце. Погода благорастворенная. Жасмины в полном цвете, а георгины расцветают. Как бы нам постараться украсить душевный наш вертоград цветами добродетелей, благоухающих смирением!» В другом письме батюшка рассказывает о «птичьей столовой»: «У меня бывает всякий день много гостей пернатых. К окну приделана полочка, и сыплем зерен разных. Прилетают разного рода пташки: синички, воробьи, иваньчики (мелкие серые дятлы), сойки и другие. И всякая своим манером кормится. Естественная наука в натуре, и видна творческая сила и премудрость».

По свидетельствам близко знавших старца, до самой кончины он сохранил живость характера и подвижность: «Живость эта проявлялась во всех его действиях — в чтении, разговоре, походе, во всех его занятиях и даже в некоторых телодвижениях... По той же живости характера он не любил и в других медлительности и вялости, долгих сборов и т. п. Так, например, если кому случалось ехать с ним в дорогу, надобно было собраться спешно или заранее; потому что, едва лишь поданы бывали лошади, он уже готов был к отъезду и шел садиться. В делах послушания также любил,

чтобы всё братьями делалось скоро, или, вернее сказать, с усердием и тщанием, ибо что делается усердно и тщательно, то бывает споро и скоро. Небрежности же не мог терпеть даже в маловажных делах. Например, если кто, взяв в руки книгу, вследствие торопливости или просто без внимания положит ее нижней стороной вверх, увидев это, старец не преминет заметить: "Ты положил книгу небрежно — это нехорошо", — и сам поправит ее».

В воспоминаниях о старце сохранились мельчайшие подробности его характера, привычек, светлый образ батюшки Макария дорог был тысячам людей, но большую часть воспоминаний составляют свидетельства о благодеяниях старца — его советах, утешениях, многочисленных случаях исцелений и избавления от опасности по его молитве. При этом для него главным было не просто разрешить какую-то конкретную проблему, но направить душу человека на путь спасения, обратить его мысли, душу, да и всю жизнь к Богу.

Духовное окормление

Время, свободное от молитвы, богослужений, за исключением краткого отдыха, отец Макарий посвящал служению ближним. Келейники

старца свидетельствовали, что не было случая, чтобы он отказал кому-нибудь в помощи, дверь кельи никогда не запиралась. Даже ночью, бывало, приходили к нему с неотложными вопросами, и он тут же поднимался с постели, каким бы тяжелым не выдался день накануне.

Батюшка отличался поразительной памятью, над которой были не властны годы. Стоило ему один раз пообщаться с человеком, — и он уже навсегда запоминал его, со всеми житейскими обстоятельствами, проблемами, так что при новой встрече, через какое бы время она ни произошла, сразу узнавал человека и расспрашивал о его делах.

Одним из свойств старца Макария было удивительное умение почувствовать человека, найти к каждому подход, соответствующий его характеру, кого нужно — утешить, кого-то приободрить, к другому проявить строгость. Он знал меру и возможности каждого. Если человек не слушал его совета или обращался с вопросом, а на самом деле собирался поступить по-своему — отец Макарий говорил просто: «Делай, как хочешь». Давно знавшие старца понимали, что нет хуже этого ответа — он означал, что человек не готов последовать воле Божией, открываемой через старца. Отец Макарий был очень

снисходителен к греху, когда видел, что человек искренне и глубоко раскаивается. Самым тяжелым для него было, если человек проявлял непослушание и своеволие.

По воспоминаниям, батюшке проще было общаться с людьми среднего и низшего сословий, они целиком доверяли ему, не искали в нем «внешней учености», готовы были сразу открыть сердце, да и веру имели более крепкую. Но слава старца была уже так велика, что для беседы с ним приезжали и представители высшего сословия, государственные деятели, писатели, ученые. Старец находился в духовной дружбе с семейством Киреевских, которое содействовало ему в издании святоотеческих трудов, о чем речь еще впереди. Среди знаменитых посетителей старца Макария — писатель Николай Васильевич Гоголь. Он неоднократно приезжал в Оптину, при этом обязательно встречался для беседы со старцем. Отец Макарий много содействовал тому духовному перевороту, который уже созрел в душе писателя и в результате которого были созданы его последние, наиболее глубокие произведения — «Письма о Божественной Литургии», «Выбранные места из переписки с друзьями». Общение Гоголя со старцем — не только важнейший факт его биографии, но и

знак того общего поворота русской культуры в целом к Православию, вере, духовным традициям, который постепенно начал происходить в середине XIX столетия.

Были среди посетителей и такие, которые, как вспоминают, «приходили к старцу из одного любопытства и во время беседы с ним более походили на явившихся поучать его самого, нежели желавших услышать от него что-либо полезное. Старец, посвятивший себя всецело на служение ближним и не желая никого оскорбить, их принимал, хотя по временам и жаловался своим близким ученикам, что такие посетители лишь отнимают у него дорогое время, ему не принадлежащее. "Батюшка! — заметили ему однажды по уходе такого господина, — он, кажется, более поучал вас?" — "Что ж, — ответил смиренный старец, — спасибо ему. Он лучше вас понял меня. Чему доброму можно научиться от меня, грешного? А он многое знает — все знает". Случалось, что кто-либо из таковых любопытников, не понимая, зачем посещали старца люди верующие, начинал оспаривать сказанное им в ответ совопроснику. Тогда, кроме редких и особых случаев (то есть если речь шла не о предметах веры), старец тотчас же прекращал или, вернее сказать, сокращал беседу, говоря: "Как знаете; вы, конечно, знаете

это лучше меня, я человек неученый". И затем или вовсе умолкал, или продолжал беседу уже о каких-либо посторонних предметах, что он шутя называл, как в устной беседе, так и в письменной,— "трынь-брынь".

Драгоценным сокровищем для всех, ищущих спасения, являются письма отца Макария духовным чадам. Вот как оценил их значение по выходе собрания писем к монашествующим игумен Антоний (Бочков): «Письма его могут быть названы часами, по которым и во утро, и в полдень, и нощию можно поверять жизнь всякому монаху и монахине, для которых они назначены. И юный, и зрелый, и старый может прибегать во всякое время к этому указателю, который сам шествовал неуклонно по пути Солнца правды. Глубочайшая осторожность в советах, с твердостью и простотою данных не на краткое время, но часто на многие годы, применение советов к возрасту вопрошавших, к их устройению, ко времени и их обстоятельствам, знание монашеской жизни и человеческого сердца — все это, утаенное от мира сокровище мудрости и опытности так и бросается в глаза, приобывшие различать сияние настоящих дорогих камней от фальшивого блеска. В отце Макарии вовсе не видишь аскета-схоластика: редко выставляет он себя учителем, а только

благим советником, который, однако ж, знает всю цену своих советов, внушенных многолетним опытом и проверенных не однажды на многих людях». Позже были изданы и письма старца к мирянам, так что каждый может найти в его наследии бесценный клад духовных советов. Помощью старца пользовалось огромное количество иноков и мирян.

Благодатные дары

Свидетельства проявления благодатных даров старца — прозорливости, исцеления от недугов, духовной рассудительности — неисчислимы. Приведем лишь несколько примеров.

Исцеление бесноватого

Один из почитателей старца привез в Оптину своего друга, страдавшего душевной болезнью, причины которой никто не мог понять, а тем более с ней справиться. Поселившись с больным в гостинице, он послал за старцем, ничего не сообщая о товарище, приехавшем с ним. Когда старец шел по коридору, больной стал проявлять сильное беспокойство, говоря: «Макарий идет! Макарий идет!» Стоило старцу перешагнуть порог комнаты, как больной бросился на него с ругательствами и ударил по лицу. Отец Макарий

тотчас, не дрогнув, подставил по евангельской заповеди другую щеку. Смирение старца поразило беса, который и являлся причиной болезни. Больной упал без чувств к ногам отца Макария, пролежал так долгое время в полном оцепенении, но поднялся уже совершенно здоровым. Он ничего не помнил о своем поступке, болезнь окончательно его оставила.

Рассказ монахини Алевтины

«Моя родная сестра, Мария Павловна Полунина, страдала припадками беснования. Мать наша приехала с ней в монастырь, и мы с матерью повели ее в Оптину Пустынь. Еще перед тем в нашей церкви она сильно беспокоилась, а дорогой все бранила меня, что у меня рука проклятая, на руке же у меня были надеты батюшкины четки. Когда мы пришли в Оптину, то сели дожидаться батюшку на дорожке около скита. Вдруг сестра закричала: "Вон идет седой!" — и забилась. Действительно, из скита вышел батюшка, подошел к нам и каким-то пояском опоясал больную. Она перегнулась назад, как бы переломилась, и как будто оцепенела. Потом, как оправилась, батюшка послал нас на могилку батюшки отца Леонида. Он всегда прикрывал чем-нибудь свои исцеления. Там мы помолились и взяли песочку с его могилки. Сестра

успокоилась. На другой день была у обедни. Батюшка давал ей антидор; и она принимала спокойно. После того прежних припадков с нею уже никогда не было».

Ответ на письмо

Когда известный писатель Иван Васильевич Киреевский первый раз исповедовался у старца, это произвело на него очень сильное впечатление. После этого он написал отцу Макарию письмо, где было много важных духовных вопросов. Своей жене Киреевский при этом сказал: «Сознаюсь, что ему трудно будет отвечать мне». Каково же было его удивление, когда меньше чем через час ему принесли письмо старца, содержащее пространные ответы на все вопросы, заданные в письме, которого отец Макарий в тот момент еще никак не мог получить. Это событие потрясло Киреевского, убедившегося в благодатности старца.

Из писем старца

Лучшую оценку писем старца Макария дал святитель Феофан Затворник после знакомства с их изданием: «Пишете, что вы читаете все письма оптинского старца Макария. Благословенные книжки его! Глубокий веет от

них дух смирения и навевает его на всякого читающего. Перечитывайте чаще. Не мешает выписки делать, чтоб в случае нужды подогреть дух смирения, из всех духов самонужнейший». В письмах старца находим и отклик на злободневные вопросы общественной жизни, к которым старец не был равнодушен, всем сердцем болея за судьбу России. Вот несколько фрагментов его писем:

«Чувственность помрачает ум наш. Все наше попечение и помышление о том, чтобы доставить покой телу; а о душе мало радим — страстей не искореняем, и даже не противимся им; и от того лишаемся мира и покоя душевного».

«Самая печаль об умерших, озаренная светом истинного разума, истаивает, а на месте оной зачинает прозябать благое упование, утешающее и веселящее душу. Фанатизм стесняет образ мыслей человека, — истинная вера дает ему свободу. Сия свобода обнаруживается твердостью человека при всех возможных счастливых и несчастных случаях... За все слава Премилосердному Богу, изливающему нам

во всяком случае неизреченные блага; ибо источник благодати не может источать из себя никаких других волн, кроме благодатных, не понимая коих человек часто ропщет на Всеблагого».

«Спрашиваешь, как очищать страсти? И что есть страсть? И как нужно засматривать почаще в глубину своего сердца? Какие же ты будешь очищать страсти, когда ты и не знаешь, что есть страсть? И как входить в глубину сердца своего? Это высокий вопрос! Страстей много есть в нас, но главных три: славолюбие, сластолюбие и сребролюбие; а от сих еще пять, о коих подробно пишут святые Кассиан и Нил Сорский, и как оным противиться. Еще у святого Исаака много писано о страстях и у прочих отцов. Как же ты хочешь входить в глубину сердца, когда оно завалено колодами, камнями, хворостом, сором, паутиною и пылью? Входить в глубину сердца — значит пылинки чтобы не было. Ты прежде выбрось крупные вещи: колоды, камни, хворост, а потом сними паутину, и тогда будешь выметать и пыль».

«Ты упоминаешь, что не имеешь чистой молитвы, а парение помыслов. Цену дать нашей молитве есть не наше дело, а Испытующего сердца и утробы и Дающего молитву молящемуся. Молись, но смиренно; к чему и невольно понуждает нас парение помыслов. Понуждать себя надобно не к одной молитве, по слову святого Макария, но и ко всякой добродетели».

«"Многи скорби праведным, и многи раны грешному",— Святой Дух усты Давидовы глаголет. Кто же без скорби из нас? От нищего и до носящего диадиму не найдешь здесь совершенно мира и спокойствия. И все оно Господь посылает каждому в свое время и по мере потребности для него, чтобы здешним скорбным путем привести нас в Царствие Небесное. Скорбями очищаются грехи, предотвращаются (люди) от грехов, и испытывается вера наша. Кто ж похвалится не иметь греха? А потому мы и есмы должницы Богу. Люди же, нас оскорбляющие, не сами собою делают, а попущением Божиим; и потому они суть орудие Божие...»

«Главное в исповеди — надобно иметь сердце сокрушенно и смиренно, которое Бог не уничтожит. И ежедневно надобно иметь испытание самих себя и укорять себя; за содеянное нами приносить перед Богом покаяние — что и читаем в третьей молитве на сон грядущим».

«Изъясняете замечания ваши о нашем времени, находящемся в движении и волнении: чего-то ищут доброго и нового. Но как оно ищут? И где хотят найти? Цивилизация и прогресс! А на православную религию (веру) не обращают внимания. А на оной-то основывается все наше блаженство, и временное, и вечное. Умные, ученые, образованные люди хотят верить по-своему, а не как учит нас Православная Церковь. Учение Церкви непогрешимо, хотя в исполнителях оно и найдутся погрешающие. Но часть не есть целое; а насмешники над погрешающими обращают язык свой на всю Церковь; а в Церкви все наше благо и спасение. Таинства церковные суть проводники в Царство Небесное; служители оным и совершители — духовенство, на которое так нагло и ядовито нападают образованные умники и заражают

немошных, а паче напояют сим ядом юношество».

«Сердце обливается кровию при рассуждении вашем о нашем любезном отечестве России, нашей матушке. Куда она мчится? Чего ищет? Чего ожидает? Просвещение возвышается, но мнимое. Оно обманывает себя в своей надежде. Юное поколение питается не млеком учения Святой нашей Православной Церкви, а каким-то иноземным мутным, ядовитым заражается духом. И долго ли это продолжится? Конечно, в судьбах Промысла Божия написано то, чему должно быть, но от нас сокрыто, по неизреченной Его премудрости. А, кажется, настает то время, по предречению отеческому: "Спасаяй да спасет свою душу!"».

Свидетельство святости

Благодатные дары старца были очевидны. Как ни старался он незаметно для окружающих совершать свои благодеяния, скрыть их было невозможно, слава отца Макария распространялась и росла с каждым годом. Но еще при жизни старца некоторым из его духовных чад Господь открывал степень его внутреннего совершенства. Вот рассказ

монахини Севского монастыря матушки Макарии (Домогацкой): «Это было еще при жизни батюшки Макария. В июне или июле 1860 года нашего (Севского) монастыря послушница Елисавета вместе с другими двумя монахинями приехала в Оптину к батюшке отцу Макарию. Все они, по обычаю, поместились в монастырской гостинице, определенной собственно для приезжих монахинь. Нелишне заметить здесь, что послушница Елисавета в особенности замечательна была простотою нрава и множеством понесенных ею скорбей по причине бедности после мирской жизни в довольстве. Из окон келий остановившихся в них монахинь был вид на гостиный двор и на дорожку, пролегавшую через лес из скита на гостиницу. В один день, около восьми часов утра, сидела Елисавета в одной из этих келий и смотрела в окно на скитскую дорожку и вдруг услышала доносившиеся оттуда звуки удивительно приятного пения. Смотрит: идет старец Макарий и по сторонам его двенадцать мужей, которые одеты были в белые одежды, а сверху имели схимы. На головах у них были схимнические куколи, также белые и блестящие. Какое-то странное внутреннее чувство подсказало ей, что это были святые апостолы. Двое из них вели старца под руки, а некоторые шли впереди и несли подсвечники с

возжженными свечами. Между тем простодушная послушница не придала этому видению особенного значения. Ей вообразилось, что, вероятно, в Оптиной Пустыни установился обычай с такою торжественностью носить Святые Дары для приобщения больных; а в гостинице в то время была больная. Должно быть, Елисавета в самозабвении и не подумала о том, что видела святых апостолов. Старец действительно в конце ранней обедни приходил из скита на гостиницу; но только кроме Елисаветы никто не видал сопровождавших его мужей. Когда же послушница эта пошла в церковь к поздней обедне, она случайно встретила на гостином дворе возвращавшегося в скит старца. Приняв от него по обычаю благословение, она пошла с ним по одной дорожке; а другие, сопровождавшие старца, шли сзади их. Прошедши несколько шагов, старец, обратившись к ней, спросил: "А кого ты, Лиза, ныне видела?" Послушница и вообразить не могла, чтобы старец знал о виденном ею; но, опомнившись и все еще хорошо не понимая смысл старцева вопроса, ответила: "Я видела, батюшка, апостолов". — "А кого они вели?" — продолжал старец спрашивать с улыбкой. Пораженная такой нечаянностью и открытием ее тайны — так как до сего времени никто об этом не знал, — Елисавета вскрикнула: "Ах,

батюшка, да ведь вели-то они вас!" При этом старец строго запретил ей открывать это кому бы то ни было до самой его кончины"».

Книгоиздательская деятельность

Отец Макарий посвятил много лет подготовке к печати переводов святоотеческих творений, сделанных еще старцем Паисием Величковским, но изданных лишь частично, а в России практически недоступных для читателей.

В Оптиной Пустыни со временем оказалось целое собрание переводов и собственных трудов старца Паисия. В келейной библиотеке старца Макария хранились рукописные переводы писаний преподобных Иоанна Лествичника, Макария Великаго, святых Варсонофия и Иоанна, Максима Исповедника, Феодора Студита, Григория Синаита, Григория Паламы и других прославленных отцов Церкви, переданные ему еще старцем Афанасием (Захаровым). У старца Леонида также были рукописи переводов творений святых отцов, попавшие к нему от схимонаха Феодора — как и отец Афанасий бывшего учеником старца Паисия. Со временем представилась возможность опубликовать их.

Недалеко от Оптиной Пустыни находилось село Долбино, старинная вотчина семейства Киреевских. Иван Васильевич Киреевский, замечательный русский философ, писатель, публицист был преданным духовным чадом старца Макария. У его жены Наталии Петровны также хранились рукописи переводов старца Паисия, попавшие к ней от ее почившего духовника московского старца Филарета Новоспасского. В 1845 году И. В. Киреевский, издававший тогда журнал «Москвитянин», предложил отцу Макарию поместить там какую-либо статью духовного содержания. Старец принял это предложение с благодарностью и ответил, что он хотел бы поместить жизнеописание старца Паисия (Величковского). Статья была напечатана в 12-м номере «Москвитянина» за 1845 год. Так было положено начало изданию духовных сокровищ Оптиной Пустыни.

В следующем 1846 году, в бытность свою в гостях у Киреевских в их имении, старец коснулся вопроса о недостатке духовных книг и при этом упомянул, что у него есть много рукописей переводов творений святых отцов. Наталия Петровна сообщила, что и у нее хранится несколько таких рукописей. Тогда сама собой возникла идея издать эти духовные

сокровища. Старец со свойственным ему смирением заметил, что он считает себя неспособным заняться таким важным делом. Киреевские сказали, что они доложат обо всем Владыке Филарету, митрополиту Московскому, и если он благословит, нужно будет приступить к работе. Они через знакомых обратились к Владыке, который не только дал свое благословение на это дело, но и обещал оказать всяческую поддержку.

В Оптиной закипела работа. Рукописи были переписаны набело, отосланы на цензуру в Московскую Духовную академию, и в начале 1847 года вышла в свет книга под заглавием «Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского».

Так было положено начало благому делу, продолжавшемуся до самой кончины отца Макария, в течение 15 лет, при горячем содействии Киреевских и под высоким покровительством митрополита Филарета Московского. Всей работой руководил непосредственно сам старец, а помогали ему его ученики из скитской братии: иеромонах Амвросий (будущий старец), монахи Ювеналий (Половцев), Леонид (Кавелин) и Платон (Покровский, тот самый давний друг отца

Амвросия, тогда уже — монах Оптиной пустыни).

Для занятий с рукописями все ежедневно собирались в келье старца Макария, который, не прекращая своей обычной деятельности по окормлению братии и посетителей, принимал самое непосредственное участие в трудах своих учеников. Ни одно слово не было вписано в отсылаемую в цензуру рукопись без его личного утверждения. По воспоминаниям, старец в этой работе забывал себя, часто жертвуя даже краткими минутами отдыха. Он прекрасно понимал, насколько ответственно начатое дело, ведь содержание рукописей относилось к устройению духовной жизни, спасению души, необходимо было точно передать или прокомментировать каждый оттенок мысли, выражения, встречающиеся в писаниях великих подвижников.

Для учеников старца это был драгоценнейший опыт! Они погружались в мысли и изречения святых отцов, наставников иноков, и при этом имели возможность постоянно слышать замечания старца о самых важных вопросах, касающихся монашеского делания, молитвы, подвижничества. Все они вспоминали, с какой снисходительностью выслушивал старец их

детские замечания, делал уступки их желанию изящнее выразить мысль там, где не видел нарушения духовного смысла, сопровождая это добродушной шуткой: «Пусть будет так, я новейшей литературы не знаю, а ведь вы народ ученый!» Если возникало разногласие в понимании, старец немедленно устранял его, или предлагал свое мнение, или оставлял такое место без пояснения, говоря: «Это не нашей меры, кто будет делать, тот поймет, а то — как бы не поставить наше гнилое вместо его (т. е. старца Паисия) высокого духовного понимания». Одна за другой в течение 1850-х годов выходили книги, содержащие творения святых отцов, — это было бесценное приношение Оптиной Пустыни русскому боголюбивому читателю.

«Блаженны умирающие о Господе»

Со временем здоровье старца стало слабеть. Он давно уже сетовал на отсутствие уединения, необходимого для молитвы, пребывания с Господом: «Молва, молва,— писал он к родственникам,— и ежедневная молва. Когда опомнюсь? Когда избавлюсь от помрачения и войду в себя? Не знаю. Пожалейте меня и помолитесь, чтобы я избавился от обольщения и себя, и других. Только и знаю, что толкусь да молвлю, и всякий день на гостиную сколько раз

схожу; и не видно исходу. Одни уезжают, а другие наезжают; а я, грешный, везде поспел. Горе, да и только! Душа гладна без пищи; читать времени мало; да и то, какое чтение в смятении? Ну, что делать? Надо потерпеть; а кто знает, когда позовут в вечность? Лета, слабость, все сближает к тому; а я нерадею. Господи, помилуй и спаси, по неизреченному милосердию Твоему!» В 1858 году старец принял схиму.

Летом 1860 года, накануне своей предсмертной болезни, отец Макарий был бодр, даже предпринял поездку в Калужский Лаврентьев монастырь, но это была его последняя поездка.

Кончину свою старец предчувствовал заранее, о чем даже сказал одной из своих духовных чад. В конце августа он серьезно заболел. Старец начал прощаться с братией. У него побывал настоятель монастыря отец Моисей, выйдя от старца со слезами, сказал: «Видно, за грехи мои Бог наказывает меня, отнимая у обители опытного старца, а у меня духовного друга и мудрого советника». С середины сентября здоровье старца стало ухудшаться с каждым днем.

Сохранилось описание последнего дня его жизни — 7/20 сентября 1860 года: «День предпразднства Рождества Божией Матери, к Которой старец, как и все православные

подвижники, питал глубокую сердечную веру, выражая ее постоянно призыванием всесвятого Ее имени, чествованием богородичных праздников, келейными всенощными бдениями в честь некоторых икон Пресвятой Богородицы и, наконец, неопустительным чрез всю 50-летнюю иноческую жизнь чтением в честь Ее ежедневных канонов и в положенные дни — акафиста. В шесть часов утра в последний раз старец удостоился приобщиться Святых Таин — Тела и Крови Христовых, которые в этот раз принял уже от телесного изнеможения лежа, но в полной памяти и с глубоким чувством умиления. После причащения произнес он троекратно с возданием рук горе: "Слава Тебе, Боже наш! Слава Тебе, Боже наш! Слава Тебе, Боже наш!" И это были последние его слова. Почти через час после сего, при окончании чтения канона на разлучение души от тела, на 9-ой песни оного, старец предал свою праведную душу в руке Божии, окруженный сонмом своих близких учеников и других преданных ему особ, проводивших при нем бессонные ночи при неиссякаемых источниках слез. Кончина старца была мирна и тиха, проста и вместе величественна, как и вся жизнь его, угасшая словно вечерняя заря светлого дня, оставив в сердцах преданных ему глубокую ночь печали».

Вся обитель погрузилась в глубокую скорбь, епископ Калужский Григорий, узнав об этом печальном событии, писал: «Жизнь и кончина преставленного дают отрадное упование, что по имени его и жребий его новый блажен. "Ибо блаженны мертвии, умирающие о Господе" [Апок. 14, 13]. А за сим должно надеяться, что и попечение его об обители не совсем прекратилось; только бы насельники оной не уклонялись от пути, по которому шествовал он и старался вести послушных ему».

В день кончины гроб с телом почившего старца был перенесен из скита в монастырь, наступили дни прощания с любимым старцем, собравшие множество его духовных чад и почитателей. Отпевание и погребение старца состоялись 10 сентября. Прощание длилось очень долго — каждому хотелось последний раз поклониться батюшке. Похоронили его напротив алтаря Никольского придела, неподалеку от могилы его наставника и старца отца Леонида.

Архимандрит Леонид (Кавелин) писал после кончины старца Макария: «Это был человек, воистину на благо рожденный. Он был нелицемерным и постоянным послушником и настоятеля, и всей братии, и всякого просящего у него помощи, соучастия и содействия. И

болезнь его, конечно, была следствием его неусыпных трудов для ближних; а пылкая его душа, кажется, стремилась вон из тела на всякий призыв его детей — ко всякому скорбящему. Душевный слух его сторожил каждое слово, касавшееся Святой Церкви и Отечества, горячо им любимого. Его радовало все, что прославляло Господа, и с детским веселием он спешил возвещать всем о чудесах милости Божией. Он готов был передать всем свою теплую веру, что Господь жив, что не престал действовать к нашему спасению».